

© 2018 г.

А.Н. ФАТЕНКОВ

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КАК ЛОЖНЫЙ ОРИЕНТИР РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА?

ФАТЕНКОВ Алексей Николаевич – доктор философских наук, профессор Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, профессор Нижегородской государственной медицинской академии, Нижний Новгород, Россия (fatenkov@fsn.unn.ru).

Аннотация. Рассматривается норма эффективности, соотносимая с принципами визуализации и буржуазности, её претензии на роль критерия социально-культурного развития. Эффективность — это способность достигать цели, всё равно какой, расходуя минимум сил, средств, ресурсов. Она требует сокращения времени и гомогенизации пространства и не нуждается в человеческих отношениях, нацеливаясь на замену полновесного психосоматического существа виртуальным наблюдателем виртуальных эффектов. Нуждаясь в зримости и культивируя её, эффективность разрушает гармонию визуального, вербального и рукотворного; акт созерцания вытесняется и замещается актом демонстрации. Витрина – передний край капитализма, становящийся единственным. Ориентируясь на принцип эффективности, мы загоняем себя в тупик. Диктат эффективности пагубно сказывается на сферах, которые ближе всего к человеку и его творческой стезе (здравоохранение, образование, культура, наука). Сопrotивляясь эффективности, имеет смысл сделать ставку на содержательный труд и достоинство человека труда, на самостоятельность индивида и общности.

Ключевые слова: человек • общество • культура • экономика • развитие • эффективность • визуализация • буржуазность

DOI: 10.31857/S013216250000192-4

Область критики. Требование эффективности – одно из часто прилагаемых к современной общественной жизни и её сферам, включая гуманитарную. Ценность означенного императива сомнению не подвергается, дискутируются лишь технические моменты его экспликации. Цель статьи иная: указав на природу и сущность эффективности, констатировать её бесперспективность, удручающие последствия для жизни и деятельности людей, сбережения и приумножения человеческого в человеке.

Эффективность находится в том же концептуальном поле, что и *гипертрофированная, избыточная рациональность*, умалаяющая чувственную, волевую, телесную стороны человека и делающая его машиной и вещью среди машин и вещей. Рядом с ней расположились: а) *технорационализм*, подчиняющий антропное техническому и не замечаящий связи техники со спекуляцией, интеллектуальной и монетарной; б) *экономический рационализм и детерминизм*, экономизм: формализованный, исторически ограниченный взгляд на хозяйство, без основания экстраполированный на исторический процесс и жизнь индивидов и групп; в) *капитализм*, существующий в обществе модерна строй с культом посредничества, нарастающим по триаде: локальная торговля и ростовщичество (цивилизация традиционного типа) – мировая индустрия и купля-продажа (цивилизация модерна) – глобальная сфера услуг (постмодерн); г) *визуальная культура*, постулирующая, что всё сущее может и должно стать выставленным на обозрение, профанирующая телесную и словесную культурные компоненты (здесь логико-историческая схема сложнее гегелевской: античная, греческая гармония телесного, визуального и вербального периодически то восстанавливается, с нарастающей внутренней динамикой композиционного триединства, то склоняется к упрощению вследствие качественного и количественного умаления элементов); д) *технократизм*, поступательно трансформирующийся в аутентичный *тоталитаризм*, уже без рудиментов автократии. Приведённые определения не отменяют известные дефиниции очерченных феноменов. Теперь подробнее.

Эффективность. Визуализация. Буржуазность. Эффективность есть способность достигать цели, всё равно какой, при минимуме израсходованных сил, средств, ресурсов (людских, временных и др.). Иными словами, она выражает наилучшее соотношение в системе «вход – выход» [Лиотар, 2013: 112]. В пространстве языковых игр соответствующая лексема оказалась сегодня востребованным вербальным клише. Правящий класс повсеместно, в том числе в России, не устаёт побуждать сограждан к эффективности. Дескать, ориентируясь именно на неё как ведущий принцип жизнедеятельности, мы разрешим насущные социальные проблемы. Это заблуждение – в лучшем случае. Скорее же – классовая, корыстная, идеологическая уловка; экстраполяция матрицы экономического принуждения на все сегменты общественной жизни; респектабельный буржуазный антураж, маскирующий эксплуатацию. Нынешняя мода на дискурс и праксис эффективности закономерна – надо признать, как и родовая связь капитализма и эффективности. Подвергнем их союз критическому разбору: почему бы не состояться положительному некапиталистическому синтезу?

Для начала о лексике. «Эффективность» есть производная от «эффекта». Этимологически «эффективность» и «эффект» наследуют латинскому глаголу «efficere»: «делать так, чтобы...» [Жюльен, 1999]. Отглагольность «эффективности» (примат действия над тем, кто его совершает) симптоматична. Проступает суть предмета: делать так, чтобы делалось (почти что само собой). В. Зомбарт в преддверии Первой мировой войны, на подъёме мировой индустрии писал о специфике капитализма: «...созданная рукой человеческой система пробуждается к самостоятельной жизни и без участия сознательного действия отдельного человека, над таким действием и против него, собственным духом развивает свою деятельность» [Зомбарт, 2009: 401].

В виде формулы эффективность предстаёт как частное от деления цели на: *время*, затраченное на её достижение; *преодоленное и/или освоенное для этого пространство* (территорию и/или её недра); *количество задействованных людей*; *массив израсходованных культурно-символических средств*. Рост эффективности требует минимизации, в пределе – обнуления, слагаемых знаменателя. Указанная тенденция в истории коррелятивна логике эволюции капитализма.

Время. Его эмпирическое сокращение даёт о себе знать в интенсификации труда и ускорении оборота капитала. Теоретически оно «резается» разными способами. Так, философская субъективация времени исключает его из объективной реальности, концентрируя во внутренней жизни человека, которая добровольно/принудительно интенсифицируется у людей «свободных профессий». Креационизм авраамических религий подчиняет время процедуре творения. Протестантизм делает это педантичнее католицизма, не допуская паузы между актом творения и актом ниспослания благодати (что позволяет лютеранству и кальвинизму, в отличие от католичества, учить об утрате впадшими в грех прародителями человечества подобия образа Бога) [Митрофан Зноско-Боровский, 1992: 38, 80]. Эффективность, которой надо «всё и сразу», – наследница пуританского реформаторства, репрезентанта эпохи товарного изобилия и массового потребления.

Вернёмся к скрадыванию времени. Возможный ход здесь – во славу эффективности – очевиден: не стягивать время к мгновению (человекоразмерному аналогу вечности), а асимптотически приближать его к вечности как таковой (может статься, безвременной), когда что-то происходило бы, по существу не меняясь. Если это доминирующая цель, ссылка на время окажется исчезающе малой. Получаем экстремум эффективности (при прочих равных условиях). Обрисованная идеальная модель фрагментарно реализуется постиндустриальным, постмодернистским капиталистическим обществом.

Пространство – физическое, неоднородное – не благоволит буржуа. Капитализм комфортно себя чувствует – генетически – на ограниченной территории, в черте городов; в зрелом возрасте – в не самых крупных по площади странах преимущественно островного типа, нередко со скудными запасами сырья; телеологически – в однородно-глобальном универсуме, соотносимом с эталоном «геометрического», однородного и изотропного пространства в рационалистской парадигме Нового времени. Обширные земли (сельхозугодья, прежде всего) не приемлют эффективности, сопротивляются ей. Приоритет тут – рачительность. Наложение норм эффективности здесь неумно и попросту разоблачительно: массив введенных поправочных коэффициентов делает базовую формулу громоздкой, непрактичной. Умаление пространства обеспечивается

поначалу убыстряющимся перемещением по миру всего и вся (людей, вещей, денег, информации), дополняемое ускоренной тратой природных ископаемых. Расточительство капитализма по отношению к природе исполняется с холодным расчётом: как можно скорее израсходовать натуральные ресурсы – настолько, чтобы они значимо не влияли на калькуляцию эффективности. Не «после нас хоть потоп», а «мы хотим ещё пожить в реконструированном допотопном раю». (Одна из буржуазных ловушек для коммунизма, кстати сказать.) Ж. Бодрийяр назвал Америку страной воплощённой утопии [Бодрийяр, 2000: 159, 175], тезис корректно экстраполируется на весь постмодерновый социум. Просторы Нового Света, выгодно отличавшие его от Европы, давно нивелированы экспансией виртуального пространства, моделируемого компьютерными технологиями. Виртуализация сферы жизнедеятельности поднимает эффективность социального стимулирования и контроля на небывалую высоту. Субъективизация времени оставляет ещё место сокровенному в человеке, пусть не героического склада и не подиумной наружности. Но не в случае массы номинальных нарциссов-суперменов, избавиться от которых при необходимости можно одним нажатием кнопки. Сеть категорична: если тебя нет в Интернете, тебя нет нигде.

Люди. Для эффективной системы их присутствие, мягко говоря, обременительно. Из записей Э. Юнгера: «По сути всякая рационалистическая экономика в не меньшей степени, чем всякая последовательная расовая теория, приводит к каннибализму. <...> В романе Хаксли “О дивный новый мир” трупы перерабатывают в фосфор и тем самым используют в национальной экономике» [Юнгер, 2002: 642]. Сюжет, как подтвердила жизнь, не вымышленный. Но это утилизация почивших. Циничнее технически безупречная ликвидация не умерших, и не из вражеского стана, а из своего. Ж. Бернанос пересказывает невыдуманную историю, как во время Второй мировой войны в концлагерь в Германии с почестями доставили эшелон изувеченных немецких солдат, не годных ни к военным, ни к трудовым фронтам, и, под предлогом гигиенических процедур, препроводили в газовые камеры, увешанные государственными флагами [Бернанос, 2014: 29]. Но то война, парирует кто-то. Однако и безотносительно к кровопролитию в боях ситуация немногим лучше. «Пусть эффективность развивается своим путём и да исчезнет тот, кто её производит» [Жюльен, 1999]. Благожелательный к её китайской вариации Ф. Жюльен реконструирует удручающее кредо-ожидание. Это в перспективе, возможно недалёкой. Горизонт аутентичной, западных корней эффективности отличается лишь протокольным наличием виртуального наблюдателя виртуальных эффектов.

Культура. Последнее из слагаемых знаменателя. Как вывести нежелательный компонент из игры? Финансирование по остаточному принципу – не гарантирует купирования рецидивных всплесков творчества, свежей, непрощампованной мысли. Замена культуры технологиями, по американскому образцу [Бодрийяр, 2000: 178], – работа ведётся, но с пробуксовками. Но вот направление главного удара. Подмечено: «нет, обманщики-тоталитаристы вовсе не хотят, чтобы им верили, даже ради собственной выгоды они не хотят облагодетельствовать массы хоть какой-то верой: отвратить их от всякой веры, а вместе и от неверия – вот чего они хотят» [Бернанос, 2014: 209]. Сделать человека безразличным, индифферентным к различению ценностей и их антиподов, тогда даже количество вольно или невольно затрачиваемых знаково-символических средств не сдержит роста эффективности. Показательно: на телевидении новости и политические передачи вставляются сегодня между рекламными паузами и развлекательными программами, становясь элементами попсового видеоряда.

В европейской и отечественной культурных традициях эффект, в первую очередь, есть *зримый результат*. Будем держаться данного тезиса. Китайские стратегии (их анализирует упоминавшийся Ф. Жюльен), схожие с «эффективностью», но культивирующие незаметность, вынесем за скобки. Не исключено, они заслуживают более адекватного наименования. Эффективность требует аффекта и внятности. Подобно офицерскому приказу: «Делай так... чтобы!..» Но отдать приказ проще, чем выполнить.

Ж. Батай говорит об эффективности военных действий: необходимо скорых – чтобы забыть о страхе и гибели человека с ружьём. «Солдаты гибнут и жертвуют собой без всяких сложностей и “таинств”, как будто от мгновенного несчастного случая, и никакие предварительные приготовления не успевают обогатить их гибель глубинным смыслом» [Батай, 2006: 292]. Характерно: в расчёт принимаются минуты сражения, не часы ожидания и подготовки к нему, не тяготы окоп-

ного быта, не вписывающиеся в логику эффективности. Строже удовлетворяет ей инвариантный у Батая смертельный исход для сражающихся. Но и тут, независимо от того, восхищаемся мы вместе с французским интеллектуалом культом жертвоприношения или нет, хотя бы один участник баталии должен остаться в живых: тот, кто впечатлится её итогом или, опустошенный, охватит сцену невидящим взглядом.

Без зримости — нет эффектного. Женщина, признаваемая таковой, не может не демонстрировать себя окружающим, не выставлять себя в качестве объекта наблюдения. Эффектное всегда содержательно, включая ситуации, когда всё содержание собрано в тонкой плёнке наружности. Эффектное бывает и непринуждённым, органичным окружающему существу, бывает позёрским, манерно принижающим всё вокруг себя. Без зримости нет и эффективного — того, что соотносит результат с предшествующим ему действием, стечением обстоятельств, актуализирующейся тенденцией. Результат, итог должен быть виден на фоне чего-то. Либо фон должен заместить собой результирующее состояние. Обнаруживаем тогда: деятельность ради деятельности. Практика, безотносительная к любой другой цели, кроме воспроизведения самой себя, граничит с бессмысленностью в своей длительности и в каждом из временных отрезков. Скудости её содержания противится даже адекватная тому форма. Практически неизбежными оказываются здесь морфологические приукрашивания и подмены, конструирование и культивирование ложных, паллиативных целей, — что удобно для манипулирования сознанием, которое, надо признать, зачастую само жаждет обмана. Мало того, и благая ненадуманная цель при форсированном режиме её осуществления рискует растерять свою благость. К примеру, борьба с голодом и дороговизной продуктов питания посредством ускоренных агропромышленных технологий неуклонно ведёт к деформации и деструкции человеческого генотипа.

Предмет нагляден на оптимальном расстоянии: не так далеко, не в ближайшей близи, не в сражении с ним. Эффективное уравнивание предмета деятельности с её результатом невозможно без сверхскоростей и без подчёркнуто дискретной, прерывистой (не континуальной, не плавной) смены состояний сущего. Сверхскорости необходимы для кратчайшего перехода от результата видимого (всё-таки со стороны) к результату как таковому. Однако сколь ни велика спешка, сущее, движение, время с очевидностью оказываются тут разорванными на фрагменты, стадии. Между тем понятно, что дискретное время коррелятивно статичной, не движущейся, не развивающейся реальности. Стратегия эффективности в своей сущностной тенденции поощряет, или как минимум не запрещает, ситуацию лишь видимости изменений. Брендinговому капитализму, утвердившемуся сегодня в мире, это весьма кстати. Линия эффективности когерентна тактике «коротких денег» и практике регулярно-скорой отчётности — явлениям, типичным, увы, для нынешних российских буден.

О визуальном характере современной культуры зримо свидетельствует повседневная практика, ей вторят экспертные заключения. Несомненно, визуальная грань жизни и культуры весьма значима во все времена и на всех просторах. Местами и порой она становится определяющей. На взгляд М. Маклюэна, именно визуальная доминанта преимущественно характеризует западную культуру, по крайней мере от владычества Рима до «эпохи Сезанна»; а в целом она ответственна за переход от родоплеменных к собственно цивилизованным отношениям, которые, вероятно, сменяются квазиархаичной «электронной органикой» с присущей той, как и архаике, тактильно-акустической доминантой в организации опыта [Маклюэн, 2005]. Жизнь внесла заметные коррективы в прогноз канадского исследователя: и в части «органичности», бесклассовости общества электронных технологий, и в части реставрации приоритета тактильно-акустических культурных форм и средств перед визуальными. Возможно, сказала недооценка теоретиком того факта, что звучащий ритм способен не только инициировать и поддерживать телесные практики, но и имитационно замещать их, а также чрезмерное противопоставление слова звучащего и печатного.

Ж. Деррида усомнился в правоте маклюэновского тезиса о закате зрительно воспринимаемого печатного слова, но защитил, в «Полях философии», скорее не вербальный, а визуальный пласт культуры. Согласно французскому философу, письменное высказывание от первого лица о том или ином событии, осмысленность высказывания и его притязание на истинность, непременно удостоверяется подписью. Та, чтобы удостоверить описываемое событие, должна быть равной себе — и одновременно, чтобы удостоверить уникальность события, обязана быть не равной

себе [Деррида, 2012: 373–374]. Одномоментная тождественность и нетождественность графического знака если и фиксируется, то только зрительным восприятием. Уже этим визуальное ставится выше вербального.

Эксперты, впрочем, зачастую умалчивают, что визуальная культура сегодня – культура не созерцания, а демонстрации, обыкновенно бесцеремонной зримости того, что подлежит продаже и перепродаже. «Купи себе кусочек неба!» Вспомнился транспарант, растянутый поперёк многолюдной улицы и призывающий задравших голову разместить здесь, на фоне небесной выси, свою рекламу. Налицо визуализация неподлинного, отчуждённого, товарно-фетишизируемого. С определённой исторической отсечки созерцание из аристократической привилегии и плебейской немощи превращается в ординарный, конформно-комфортный способ существования. Так эксплицируется дух капитализма. Давний спор о его сути продолжается: клиент оказался на редкость живуч и изворотлив. Как и подобает, в общем, персоне посредника.

Капитализм начинается с купеческих и банкирских домов. На первых порах он заигрывает с городскими ремесленниками, которые рискнули выйти из-под цеховой опеки. А когда те инициативно и содержательно раскрутили маховик производства, то были решительно отодвинуты на задний план. Господствуют, олицетворяя посттрадиционный общественный строй, медиаторы, фигуры, занимающиеся куплей-продажей. Именно они спасают капитализм от перманентного кризиса перепроизводства.

Любопытное свидетельство встречаем в мемуарах Э. Никиша, представителя левого крыла немецкой Консервативной революции. Вспоминая детские годы, баварский городок рубежа XIX–XX веков, он пишет о строгих рамках социального расслоения. Вплоть до того, кто первым должен здороваться и кто в какие учебные заведения и певческие кружки должен отдавать своих детей. «Стоило ремесленнику открыть лавочку, как он уже возносился в ряды избранного общества. Основополагающий принцип, определявший такие представления, был поистине буржуазным (курсив мой. – А.Ф.): само собой разумелось, что купец, торговец – это более уважаемая фигура, чем товаропроизводитель-ремесленник» [Никиш, 2012: 48].

Отношения собственности, на приоритетной роли которых настаивают марксисты классической стилистики, не снимаются с повестки дня. Однако следует наконец понять: если капитализм есть превратная общественная формация, и самая универсальная из всех превратных, – с чем соглашаются и марксисты-ортодоксы, – то, по всей видимости, и отношения собственности функционируют в капиталистической системе с наибольшим эффектом в превращённой форме. Проще сказать, собственник без ассоциируемой с ним модной торговой марки – маргинальная фигура, избавившись от которой не составляет особого труда. Владельцев средств производства можно при желании ликвидировать как класс – но никак не исключить из общественной жизни процессы и процедуры обмена. А он, обмен, никогда не бывает исключительно натуральным, ведь на него выносятся неодинаковые, разнящиеся продукты. Без формального (в пределе) эквивалента ценности каждого из них здесь не обойтись. Обмен неминуемо превращается в куплю-продажу.

Выставить напоказ и означает выставить на продажу. Витрина – передний край капитализма, постепенно становящийся единственным. Концентрат изобилия: видимый – видимого. Вместе с тем витринный слой не табуирует, во всяком случае – пока, существования тайных советников и структур: именно в качестве не высвеченных до поры особ и институций. Не будь броской витрины, не было бы и «серых кардиналов». Информация о них – намеренно, похоже, фабрикуемая как случайно просочившаяся на свет – призвана придать капиталистическому миру отсутствующую у него глубину, со всеми причитающимися той хитросплетениями. Хитрость (греч. *metis*), солидарно соотнесёмся здесь с Ф. Жюльеном, – в отличие от эффективности, плоско-результативной и чересчур техничной, – сродни таинству и мифу [Жюльен, 1999].

Буржуазный дух и его воплощения поверхностны по преимуществу. Сегодня он конденсируется в считываемой полоске банковской платёжной карты и в синтетических вещественных монослоях, что находятся под пристальным взглядом современной науки, зарождение которой хронологически совпадает с активным становлением капитализма. Показателен в обозримом историческом отрезке и беспрецедентный рост цен на шедевры изобразительного искусства.

Рыночная стоимость пытается – монетарно – угнаться за художественной, эстетической ценностью. Гений живописи схватывает на холсте, статичном отмере ткани, и делает видимым невидимое в натуре: нечто существующее, это надо подчеркнуть, и не остающееся случайно незамеченным, а ускользающее даже от пристального взора подавляющего большинства. Запечатлевается именно напряжённость и умиротворённость бытия: и взрость, и в их парадоксальном единстве. В массовом порядке эпифеномены капитала сосредоточиваются на плоском экране дисплея и инновационной электронно-коммуникативной бижутерии. Там даже книга предстаёт чередой отдельных страниц. Её объём удостоверяется кратчайшим образом визуально-опосредованно, по высвеченному на табло количеству слов, а не непосредственно-тактильно. Налицо очевидное умаление телесности, традиционно объёмной, и дискредитация человеческой руки, эволюционирующая в параллель буржуазному презрению к физическому труду. Ж. Делёз адекватно воспроизводит новейшую ситуацию. «Разумеется, чтобы охарактеризовать отношения глаза и руки, недостаточно сказать, что глаз судит, а рука работает. <...> На цифровой (курсив источника. – А.Ф.) ступени рука максимально подчинена глазу: зрение становится всецело внутренним, а рука сводится к пальцу, то есть ограничивается выбором единиц, соответствующих чистым зрительным формам. Чем сильнее рука подчинена, тем больше зрение погружается в “идеальное” оптическое пространство...» [Делёз, 2011: 160].

Постмодернистская обструкция руки, лишней для техно-визионёрской среды, неслучайно перекликается с недовольством этой частью тела, которое выказывают религиозные мыслители, держащие в уме, разумеется, чистоту духа и трансцендентности. Ж. Бернанос – не робкого десятка талант. Не жалуется, мягко говоря, официозный элитарный круг. Не богат. Искренне сочувствует бедному люду. Во всеуслышание заявляет (и это – в празднующей ещё освобождение и победу Франции): «...грядёт эпоха полного отсутствия жалости к бедным, эпоха, единственным законом которой станет экономическая эффективность», – но и для него, католического писателя, рука символизирует жаждность, тоталитаризм и палачество [Бернанос, 2014: 41, 203–205].

Греков – чья культура гармонично сопрягает телесное, визуальное и вербальное – не упрекнуть в умалении тактильно удостоверяемой реальности и действий, на неё направленных. Отвергается лишь деятельность ради деятельности (*praxis*), утверждается деятельность содержательная, творческая (*poesis*). Циничную аберрацию произведёт буржуазно-пролетарское сознание. Поэта, оправдывающегося: «я работал: писал стихи», будут обвинять в тунеядстве. Буржуазно-пролетарский ментальный альянс неудивителен. Антагонистические классы – так в истории было всегда – не только сталкиваются лицом к лицу в открытом бою и травят друг друга исподтишка, но и обмениваются жизненным опытом. И тем эффективнее, чем утомительнее исторический путь. «Когда-то освоивший марксизм рабочий класс имел намерение материально экспроприировать буржуазию; но ещё задолго до того, как он приступил к этому, буржуазные разбойники уже экспроприировали его духовно. Буржуа разом научили рабочего тому, что представляет собой социализм, и тому, как обязан мыслить настоящий социалист» [Никиш, 2012: 218]. Рабство древних – экономическая нужда и производственная необходимость: согласно хитрому разуму. По совести говоря, блёклый шлейф воинской доблести: опиум победителя, ярмо побеждённого. Но как бы то ни было, античный каменотёс сравним в культуре со скульптором. И статуарное изображение человека – опорный символ эллинского наследия. Греки, подражая, соревновались с природой. Солнце, волны и морская гладь, ветер, скалистые и песчаные берега – и всё это на высшем градусе насыщения. Превыше всех превращённых форм. Всё это – сразу, без посредников, даром. Не обделён натурным богатством и самый последний бедняк. А Камю с алжирского берега назовёт природу Средиземноморья царской роскошью, какую таит в себе нищая жизнь [Камю, 1998: 391]. Великолепием естественных пейзажей (не пустынная Иудея) эллины и иже с ними были защищены от упования на трансцендентность и от тотальной экспансии отчуждённо-превратных форм.

Капитализм, пустив первые ростки в итальянских портах (и Флоренции), обретает архетипические черты в более северных равнинных широтах, в промозглой туманности унылых побережий. Стартовый культ изошённого *techné* со временем там уступает место пафосу автономного действия и его зримой видимости. Все ценности мира группируются в тонкой оболочке цивилизации, разрыв грозит катастрофой. Таков постулат. Следствия: никаких глубоких преобразований, только косметический ремонт. И – хвала имитации. Во всяком случае, на площадке

совершенного капитализма. Он превращён в экспозицию: смотреть разрешается – руками не трогать!

Марксистское утверждение о том, что путь к свободе и достойной жизни лежит через преодоление экономической зависимости человека, в основе своей верно. Работать не для того, чтобы выживать, поддерживая своё физиологическое существование и минимальную социализированность, нет, работать с несравнимо большим смыслом, «избыточно»: делая акцент на содержательной стороне труда, получая удовольствие от его процесса и результата и будучи в ладах с собственной совестью. Значимо дополняет тезис мысль Ж. Батай (пусть отчасти мистифицированная и излишне политизированная) о доминирующей роли дароприношений, оттесняющих натуральный обмен на периферию жизнедеятельности архаичных обществ [Батай, 2006: 147]. И здесь превозносится избыточная по меркам голой прагматики роль приобретений и потерь.

Ограниченность марксистского прогноза касательно желанной эмансипированности собственно социальных человеческих существ – в недооценке возможностей капитализма, способного экстраполировать матрицу эффективности с области экономической и на область социальную. Превратно – в присущем научному социализму странном экономическом детерминизме, который вдруг, в определённый исторический момент, должен смениться досконально познаваемым социальным детерминизмом, при том что хозяйственная деятельность остаётся, естественно, неотменяемой. Методологически тут обнаруживается подспудно наличествующий в марксизме дуализм. Не исключено, квазирелигиозного толка. Хотя отнюдь и не обязательно. Возможно, всё куда прозаичней и основательней: дуалистические мотивы в теории не подчинены теистическим рудиментам, а вместе с предрасположенностью к теистическому верованию провоцируются определённым структурным типом человеческого сознания. Как бы то ни было, Батай некоторым образом выводит марксизм из кальвинизма. Намеченная в этом религиозном учении коренная независимость материальной, экономической деятельности от всех других забот человека логически завершается в философском материализме. И обратно, «отсюда следовало, что возврат человека к самому себе (к глубине, к сокровенности своего существа) независим от действия... он может начаться только при законченном действии» [Батай, 2006: 193]. Известное уточнение авторов «Немецкой идеологии»: коммунизм не состояние, а действительное движение, процесс, – показательно, однако не спасает от методологических прорех декларируемый ими «монизм».

Основное противоречие советского «реального коммунизма» – в перекрестии интуитивно-романтического отторжения буржуазной эффективности и завистливо-прагматического пленения ею. Разумеется, экономическое соревнование социализма с миром капитала было обречено на поражение, на реставрацию капиталистических отношений: шоковую (в России) или неспешную (в Китае). Это состязание было бесперспективно и исторически (никак экономически не обыграть общество, достигшее стадии массового потребления), и логически (капитализм – самая эффективная система, за вычетом аутентичного тоталитаризма).

Очно-заочно соревнуясь с коммунизмом, трансформируясь, капитализм культивирует и наращивает социальную эффективность. На выходе получаем коммуникацию вместо общения: обмен калькулируемой информацией и трансляцию алгоритмизированных образцов поведения. Общество, социальное по своим декларациям и презентациям, по сути своей остаётся экономическим, капиталистическим. При этом оно притягательно для обывателей, живущих с оглядкой на имидж: собственной персоны и окружающих. Впрочем, ведь и советский строй оказался привлекателен не только независливым (подлинно свободным), содержательно трудящимся людям, но и тем, кто привык жить с оглядкой на других в ощущении, что ему чего-то недодают.

Капиталистический строй тождественен экономике, функционирующей ради себя самой. Всё остальное – излишне. По ходу экономической гонки капитализм всасывает в себя, поглощает социалистическую оппозицию и избавляется от собственных содержательных рудиментов. Мир превращается в ирреальное шоу броских теней. Ги Дебор уже полвека назад писал о сложившемся обществе спектакля. В глобальном социальном плане «спектакль есть капитал (курсив источника. – А.Ф.) на той стадии накопления, когда он становится образом» [Дебор, 2000: 31]. В самом деле виртуальная реальность из всего лишь возможной становится налично данной. Пока не единственно актуальной, конечно, но фрагментарно уже доминирующей. Её всё труднее

отличить от реальности неvirtуальной. Здесь уже требуется по обыкновению заключение экспертов. В свою очередь каждая экспертиза нуждается в собственном удостоверении. Дурная бесконечность триумфально ширится изо дня в день. Не исключено, вскоре станет почти невозможно идентифицировать виртуальные структуры, ограничить их от неvirtуальных. Симулянты и их противники, вместе с артефактами, которыми оперируют эти антагонисты, равно предстанут тогда перед потенциальным наблюдателем как симулякры. Нарастает угроза сублимированной, с анестезированной совестью социальной деградации. Соппротивление ей вызывает в борьбе за содержательный труд и за достоинство человека труда.

Апелляция к религии здесь ничего не даст. Религиозная, монотеистическая идея не способствует культу неотчуждённого труда. В библейской традиции труд, «в поте лица твоего», есть наказание за падение в грех. Получать удовольствие от каторжных работ приговорённому к ним – верх нелепого смирения... или ироничного богоборчества. И потому монотеизм, остерегаясь, задаёт человеку иной контур рабочего пути: повиновение необходимости и следование долгу, который, и в это надо непременно верить, в конце концов удастся вернуть. Но где управляет долг, там господствует отчуждение. Протестантская трудовая этика, ближайшая союзница капитализма, соблазняет людей расчётливой безграничной активностью в посюстороннем мире, вытекающей из того, что активность человека по отношению к Богу табуирована. Безудержная предприимчивость, однако, чревата не только продуктивным расширением содержательного спектра трудовой деятельности, но и – в своей господствующей тенденции – выходом за рамки всякого содержания: к пустым формам и к их анонимным носителям-посредникам.

Не желая упускать стартовых предпочтений от союза с религией, не имея исторической возможности дистанцироваться от неё, капитализм сразу адаптирует религиозный дискурс и праксис к требованиям прагматики, эффективности. Неоценимую услугу оказал ему в этом флорентинец Н. Макиавелли. Он настоятельно рекомендовал сильному миру сего «поощрять и поддерживать всё, что благоприятствует религии, хотя бы даже считали всё это обманом и ложью; и, чем более они мудры, чем более сведущи в познании природы, тем более обязаны поступать таким образом» [Макиавелли, 1996: 144].

Если устоять перед соблазнами пропагандистской риторики, придётся признать: общественно-политический строй нашей страны представляет собой сегодня незамысловатую вариацию государственно-монополистического капитализма. Его видовая особенность в том, что он не достиг того уровня становления, когда ему грозил бы масштабный кризис перепроизводства, но добрался до того уровня, когда символическое потребление широко заменено на симулятивное. Иначе говоря, полновесный символ, как нерасторжимое единство означающего и означаемого, замещается почти что симулякрот: не вполне им, не конгломератом неразличимых символических останков, а означающим, контекстуально соединяемым практически с любым означаемым. Неважно, будь то потребление вещей или информации. Мы наглядно иллюстрируем собой – в деборовской терминологии – форму *включённой театрализации*, синтезированной процессом конвергенции двух некогда конкурировавших на мировой сцене форм: сосредоточенной (авторитарно-бюрократической) и рассредоточенной (либерально-рыночной).

Линия эффективности обнаруживает себя в явной и неявной интенсификации труда как ресурсе его эксплуатации и в примате формально-имиджевого антуража деятельности перед её внутренним содержанием. Диктат эффективности самым пагубным образом сказывается на тех сферах, которые ближе всего к человеку и его творческой стезе: в здравоохранении, образовании, культуре, науке. Превращение врача и учителя в носильщика услуг – неприкрытая месть посредника-монетариста людям содержательного труда: пресмыкаясь перед денежными потоками, провоцировать к тому и другим. (От резкой оценки тут не удержаться.) Трагикомична гонка за наукометрическими показателями: их количественный рост ровным счётом ничего не говорит о качестве публикуемых материалов и стимулирует не содержательные дискуссии, в которых менеджерам из контролирующих структур не разобраться, а практику бартерного цитирования, превращающую интеллектуала в посмешище. Эффективность генерирует безразличие к отдельным человеческим судьбам, разбавляя его циничной калькуляцией полезности применительно к акту «падающего – подтолкни». Она не чутка, индифферентна к социальной справедливости, за исключением либеральной её версии, фетишизирующей формальный закон. Не секрет, маркировка эффективностью базовых социальных практик и игр сопряжена «со своего рода терро-

ром, мягким или жёстким: "Будьте операциональными... или убирайтесь"» [Лиотар, 2013: 11].

Тоталитарный исход эффективности и её критериальная альтернатива. Каждая масштабная человеческая общность и эпоха имеют свои жизненные ориентиры, свою шкалу мер и весов. Мерило эффективности, концептуально связанное, помимо уже оговорённых, с принципами простоты и прямого действия, принадлежит нововременной матрице, буржуазной по её социальной доминанте. Ставя формально-имиджевый, техногенный критерий во главу угла, мы вольно или невольно встраиваемся в капиталистическую колею исторического движения со всеми вытекающими отсюда последствиями – с угрожающими проблемами, которые эффективный социум не только не способен решить, но, напротив, закономерно усугубляет. Утрата сокровенного, глубины содержания. Самодовольное выставление себя напоказ всему и вся. Полное подчинение частного публичному. Абсолютный внешний контроль над человеком – и не только со стороны, но и из внутренней пустоты самого индивида. Итоговая перспектива – аутентичный тоталитаризм, свободный от авторитарных жестов и малейших следов человеческого достоинства. Эффективность не требует жертв, она безразлична к ним.

Отказ, даже ответственно компромиссный, от капиталистической стратегии требует отыскания и возведения в статус приоритетного принципиально иного, экзистенциально фундированного оценочного критерия деятельности человека и жизни людей среди людей. Теоретический и практический стержень, позволяющий поддерживать и органично увязывать рачительность в хозяйствовании, справедливость в общественных отношениях и творческую атмосферу в культурной жизни, – *самостоятельность человека и той общности, с которой он себя идентифицирует.*

Самостоятельный человек – не атомизированный индивид; и вместе с тем – это субъект, не обременённый избыточными социальными связями. Обрыванием всех своих социальных нитей собственную неспекулятивную значимость не поднять, в суверены не выбиться. Бесперспективно, впрочем, не только радикальное устранение связей, но и их тотальное ослабление, сплошной переход от иерархии к координации и корреляции. Он как раз и ведёт к появлению множества излишних, пусть и горизонтального плана, контактов (чаще) и отношений (реже). Самостоятельный человек – не актер, не элемент, не звено сетевых структур, разрывающих всякую устойчивую идентичность. Да, он не в тренде модных общественных и обществоведческих тенденций. Ему не по душе и гипердинамичность, неприкаянность, по сути, новейших времён, нездоровая какая-то, суетливо-меланхоличная тяга к модернизированному кочевничеству: не столько уже по реальным физическим просторам, сколько по сайтам виртуальной реальности. Самостоятельность обусловлена и в свою очередь обуславливает ценность стояния (и буквального, и метафорического), ценность единения с родной землёй, принципиальную нередуцированность биологического в индивидууме к социальной или духовной его сторонам. Самостоятельный человек – это, в определённом смысле, античный грек, освоивший, с изрядной долей критичности, опыт всей последующей и длящейся ныне истории. Философия, по традиции, делает ставку на отыскание-нахождение качественных характеристик изучаемого предмета. Социологии, думается, будет небезынтересно поработать и над (с) количественными характеристиками меры человеческой самостоятельности – правильности без привязки к эффективности, не зряшной правильности.

Будущий переход (какой-то части человечества, вряд ли всего его) к некапиталистическому, не «эффективному» пути развития, если таковой всё же случится, будет ещё более трудным, чем столетие назад, потому что будет ещё менее законосообразным, с ещё менее прочным «достаточным основанием». Однако трудным – не значит нескорым. И уж наверняка – не лишённым желания. Не надо обманываться: на кону – человечность как таковая. Если, конечно, большое общество, тот или иной социальный строй вообще способны её сохранить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Батай Ж. Границы полезного. Отрывки из незаконченного варианта «Проклятой части» // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / Пер. И.Б. Иткина. М.: Ладомир, 2006. С. 235–309.
Батай Ж. Проклятая часть. Очерки общей экономики // Батай Ж. «Проклятая часть»: Сакральная социология / Пер. А.В. Соловьёва. М.: Ладомир, 2006. С. 107–233.

- Бернанос Ж. Свобода... для чего? / Пер. Н.В. Кисловой, К.А. Чекалова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014.
- Бодрийяр Ж. Америка / Пер. Д. Калугина. СПб.: Владимир Даль, 2000.
- Дебор Г. Общество спектакля / Пер. С. Офертаса и М. Якубович; под ред. Б. Скуратова. М.: Логос, 2000.
- Делёз Ж. Фрэнсис Бэкон: Логика ощущения / Пер. А.В. Шестакова. СПб.: Machina, 2011.
- Деррида Ж. Поля философии / Пер. Д.Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2012.
- Жюльен Ф. Трактат об эффективности / Пер. Б.С. Крушняка; науч. ред. Н.Н. Трубникова. М.–СПб.: Московск. Филос. фонд, Универ. книга, 1999. URL: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/basis/5125> (дата обращения: 19.01.2018).
- Зомбарт В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека // Зомбарт В. Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Художественная промышленность и культура / Под ред. Л.И. Раевского, Ю.Н. Давыдова, В.В. Сапова. М.: ТЕРРА–Книжный клуб, 2009. С. 5–472.
- Камю А. Первый человек // Камю А. Соч.: В 5 т. Т. 4 / Пер. И. Кузнецовой. Харьков: Фолио, 1998. С. 209–430.
- Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2013.
- Макиавелли Н. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия // Макиавелли Н. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве / Пер. под ред. Н. Курочкина. М.: Мысль, 1996. С. 109–398.
- Маклюэн М. Галактика Гутенберга: Становление человека печатающего / Пер. И.О. Тюриной. М.: Академический Проект: Фонд «Мир», 2005.
- Митрофан Зноско-Боровский. Православие, Римо-католичество, Протестантизм и Сектанство. Сравнительное богословие. Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1992.
- Никиш Э. Жизнь, на которую я отважился. Встречи и события / Пер. А.В. Перцева. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Юнгер Э. Излучения (февраль 1941 – апрель 1945) / Пер. Н.О. Гучинской, В.Г. Ноткиной. СПб.: Владимир Даль, 2002.

Статья поступила: 18.02.18. Принята к публикации: 14.03.18.

IS EFFECTIVENESS A FALSE LANDMARK OF DEVELOPMENT OF SOCIETY?

FATENKOV A.N.

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

Aleksey N. FATENKOV, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Nizhny Novgorod State Medical Academy, Nizhny Novgorod, Russia (fatenkov@fsn.unn.ru).

Abstract. The norm of effectiveness which is conceptually correlated to the principles of visualization and bourgeoisness in its claim to be the priority criterion for socio-cultural development critical is being examined. Effectiveness is considered an ability to reach any goal while minimizing efforts, means and resources. It requires reduction of time and homogenization of space. It doesn't need human relations but aims at the substitution of a complete psychosomatic being by a virtual observer of virtual effects. Needing visibility and cultivating it, effectiveness destroys harmony of the visual, the verbal and the hand-made. The act of contemplation is being supplanted and replaced by the act of demonstration. Showcasing means putting up for sale. Showcase is a forefront of capitalism that gradually becomes the only one. Focusing on the principle of effectiveness, we push ourselves to a superficial capitalist dead end. Dictate of effectiveness is felt in the most harmful way in the spheres that are closest to man and to his creative activities: healthcare, education, culture, science. While resisting a formalized effectiveness, we should bet on meaningful work and dignity of a working man, on autonomy of an individual and a community.

Keywords: human, society, culture, economic, development, effectiveness, visualization, bourgeoisness

REFERENCES

- Bataille G. (2006) The Limits of the Useful (Fragments). In: G. Bataille «*The Accursed Share*»: *Sacred Sociology*. Transl. by I.B. Itkin. Moscow: Lodomir: 235–309. (In Russ.)
- Bataille G. (2006) The Accursed Share: An Essay on General Economy. In: G. Bataille, «*The Accursed Share*»: *Sacred Sociology*. Transl. by A.V. Solov'jov Moscow: Lodomir: 107–233. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2000) *America*. Transl. by D. Kalugin. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)

- Bernanos G. (2014) *Liberty... What For?* Trans. by N.V. Kislova, K.A. Chekalov. St. Petersburg: Ivan Limbakh. (In Russ.)
- Camus A. (1998) *The First Man*. In: Camus A. *Works*. Vol. 4. Trans. by I. Kuznecova. Kharkiv: Folio: 209–430. (In Russ.)
- Debord G. (2000) *The Society of the Spectacle* trans. Transl. by S. Ofertas, M. Jakubovich. Moscow: Logos. (In Russ.)
- Deleuze G. (2011) *Francis Bacon: The Logic of Sensation*. Transl. by A.V. Shestakov. St. Petersburg: Machine. (In Russ.)
- Derrida J. (2012) *Margins of Philosophy*. Trans. by D.Ju. Kralechkin. Moscow: Akademicheskii Proekt. (In Russ.)
- Jullien F. (1999) *A Treatise on Efficacy*. Transl. by B.S. Krushnjak; ed. by N.N. Trubnikova. Moscow–St. Petersburg: Moskovsk. Filos. fond; Univer. kniga. URL: <http://www.gtmarket.ru/laboratory/basis/5125> (accessed 19.01.2018). (In Russ.)
- Jünger E. (2002) *Emanations (February 1941–April 1945)*. Transl. by N. Guchinskaya, V. Notkina. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Lyotard J.-F. (2013) *The Postmodern Condition: A Report on Knowledge*. Transl. by N.A. Shmatko. St. Petersburg: Aleteija. (In Russ.)
- Machiavelli N. (1996) *Discourses on the Ten Books of Titus Livy*. In: Machiavelli N. *Selected works*. Transl., ed. by N. Kurochkin. Moscow: Mysl': 109–398. (In Russ.)
- McLuhan M. (2005) *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Transl. by I.O. Tjurina. Moscow: Akademicheskii Proekt: Fond «Mir». (In Russ.)
- Mitrofan Znosko-Borovsky. (1992) *Orthodoxy, Roman Catholicism, Protestantism and Sectarianism. Comparative theology*. Svyato-Troitskaya Sergievaya Lavry. (In Russ.)
- Niekisch E. (2012) *The Life I Dare to Live. Meetings and Events*. Trans. by A. Pertsev. St. Petersburg: Vladimir Dal'. (In Russ.)
- Sombart W. (2009) *The Bourgeois*. In: Sombart W. *The Bourgeois: Selected works*. Moscow: TERRA–Knizhnyi klub: 5–472. (In Russ.)

Received: 18.02.18. Accepted: 14.03.18.